

На фоне своих травмированных товарищей полностью невредимый Сатору смотрелся совершенно неуместно...

Большая часть плоти на обеих руках Шисуи налилась отталкивающими сине-жёлтыми оттенками с лёгкой примесью болезненной черноты. Конечности мальчика заметно дрожали, а эти лишние движения причиняли ему лишь ещё больше боли. От бессилия и невозможности сделать что-либо ещё он продолжал жевать внутреннюю сторону собственной щеки, повреждая в том числе и её. Ребёнок находился в подавленном состоянии, явно униженный и оскорблённый подобной демонстрацией чужого превосходства... Впрочем, это зажигало в нём и что-то иное, не только лишь горечь.

Ю пострадал не так сильно, как его младший товарищ, обойдясь лишь обширным кровоподтёком на левой стороне лица и болью в области живота после первого пинка, который ознаменовал начало испытания. И он не мог видеть левым же глазом, банально не имея возможности раскрыть раздутые веки. Во всём остальном же он не пострадал, имея возможность крепко и относительно уверенно стоять на ногах. Однако в глаза своему новому наставнику Фукутора явно смотреть опасался, растерянным взглядом, полнившегося страхом, прожигая землю. Он не извлёк никакого урока из этого избиения, да и сам Орочимару не нёс цели чему-либо обучить генинов подобным «методом». Это была лишь проверка, проверка в очень жестокой форме.

— Неплохо, как для выпускников... — Ухмыльнувшись, сипло произнёс Белый Змей. — Шисуи показал всё, что умеет, а ты, юный Ю... Весьма ограничен в боях не насмерть, да?

Ю, мгновение назад переминающийся с ноги на ногу, поражённо застыл, сразу догадавшись, о чём шла речь.

— Ничего особенного, мой сильнейший призывной зверь тоже весьма своенравен. Тем не менее я могу его укротить, ведь он слабее меня. — Улыбка саннина обратилась понимающей. — Возможно, в будущем и ты тоже сможешь одержать верх над этим дьявольским тигром.

Осмыслив слова Орочимару, Годжо по-новому взглянул на подростка. В его глазах появился незначительный интерес. Конечно, Фукутора уже упоминал, что у него имеется призыв, но «дьявольский тигр» уже много красноречивее, чем обычное понимание, что мальчишка способен призвать какое-то животное себе на помощь. Сам парень заметно побледнел, пытаясь объяснить осведомлённость этого мужчины для самого себя.

«Возможно, Тора-ма был известен, когда ещё являлся призывом отца? — Промелькнула догадка в его голове. — Не помню всех деталей, но ту кровавую ночь я никогда не забуду! Отец сам отдался на съедение этой твари, позволив мне заключить с Тора-ма личный контракт... И если я не убирался в доме, то это сделал кто-то другой... Да, об этом монстре определённо знало множество людей».

— И ты, юный Сатору, проявил себя лучше всех. — Орочимару перестал улыбаться, на несколько мгновений задержав свой взгляд, полный любопытства, на бывшем шамане, прежде чем отвести его. — Поверить в то, что ты закончил академию шиноби за месяц, достаточно просто. Но сейчас это не имеет первостепенного значения... Впрочем, вам, ребята, будет не так уж и сложно сохранить собственные жизни с такими вводными, если каждый из вас проявит необходимые качества.

— Начинается, сенсей? — Годжо слегка улыбнулся одними губами, вникнув в смысл слов, произнесённых этим шиноби.

— Определённо начинается, юный Сатору... — Мужчина, в отличие от своего новоявленного ученика, не улыбался. — Собирайтесь с духом и готовьте продовольственные наборы. Команду номер одиннадцать ожидает экстремальная миссия исключительной сложности. Я сделаю всё от меня зависящее, чтобы по её окончании каждый из вас остался в живых.

Фукутора ощутил, как в животе образовалась бездна, а всё тело похолодело. Он не издал и звука, но сердце его замерло на долгие три секунды. Шисуй тоже был бледен

— Команде номер одиннадцать поручается миссия высочайшего уровня. — Убийственно серьёзный Третий смотрел на троих генинов и их наставника пронзающим взглядом, в его тоне не было и намёка на какую-то шутку. — Задание ранга S, верхняя планка этой категории.

Постаравшийся прежде собраться с мыслями Ю не удержался, широко распахнув глаза. Шисуй отреагировал много достойнее, лишь слегка поджав губы. Каждый из них ожидал чего-то подобного, но Фукутора гнал эту мысль от себя как можно дальше. Какой с него, генина, толк в подобном деле...? Он не видел применения для себя на такой миссии! Но не в его силах было отказать самому Хирузену Сарутоби, правителю Селения, Скрытого в Листве.

— Всем вам предстоит провести ряд диверсий в нескольких странах, с которыми Страна Молнии имеет прочные связи. — Цепкими и казавшимися равнодушными глазами лидер великой деревни ниндзя оценивал реакции генинов. — Главные цели ударов — промежуточные пункты снабжения, особо охраняемые порты, и ряд мостов. Выполнение этого задания позволит нам поставить точку в боевых действиях, что шли между Листом и Облаком последние восемь лет. Все подробности миссии изложены в этом свитке. — Как и в прошлый раз, Хирузен указал на футляр со свёрнутой бумагой внутри, который лежал на его рабочем столе ещё в момент появления одиннадцатой команды в дверях кабинета главы селения. — Орочимару, возьми его и ознакомь учеников с содержимым.

— Хм... — Саннин, задумчиво сощурившись, распечатал небольшой тубус, вернув его обратно на стол, развернул вытащенный оттуда свёрток, который хранил очень важную информацию для его подопечных. — Да... Учитель, это задание будет выполнено. Каково время до начала?

— Пять суток. — Сложив руки в замок, Третий спрятал за ними сжатые в тонкую полоску губы. — Орочимару, с этого момента полностью посвети себя представленной задаче.

Великий шиноби, чётко и ясно поняв намёк, кивнул, обозначая, что приказ он принял. Беря во внимание витиеватость слов человека, который лично и тщательно обучал его, помогая раскрывать необыкновенный гений тогда ещё совсем мальчишки, мужчина действительно понял, о чём шла речь. Его просили любой ценой сохранить эту кровь Конохи. Что бы не случилось, Орочимару обязан вытащить свою команду с этой опасной миссии живой и набравшейся опыта.

Конечно, при другой ситуации для одиннадцатой команды всё проходило бы намного спокойнее, но... Страшный генин, абсолютно точно не соответствующий собственному рангу, существовал. Его уникальные способности, с помощью которых он мог бы нивелировать превосходство во многих параметрах других шиноби, более опытных, тоже имели место быть. Чудовищная скорость, с которой этот юноша усваивал новый материал, познавал новое и применял это на практике, невероятный контроль энергии, взрывными темпами растущий запас чакры, ужасающая вариация техник с использованием неизвестного миру «улучшенного генома», который верхушка Конохи уже признала сильнейшим.

Всё это не было открыто миру, но каждый из вовлечённых лиц Селения, Скрытого в Листе, обратил внимание на Годжо Сатору, сделал на него крупные ставки.

Потому что каждому из них было очевидно, что этого мальчика нельзя охарактеризовать заурядным «гений». Его результаты во всех начинаниях были просто нечеловеческими, за всеми представляемыми ранее границами и пределами. Это было что-то совсем иное, доселе неизвестное многогранному миру шиноби. Сендзю Хаширама и Учиха Мадара...? В какой-то момент истории и они тоже были, в какой-то степени, «обычными», вписывающимися в рамках представления о начинающих свой путь в жестоком мире ниндзя юных гениев, лишь после их обоих, когда они повзрослели, прозвали Богами Войн, а Хашираму и вовсе — Богом Шиноби.

Но третий хокаге явственно ощущал, что юный Сатору способен перевернуть весь ход войны! И тот сон, что приснился ему прошлой ночью, пылким следом напоминания сиял в его разуме сильнее всего именно тогда, когда он смотрел на этого ребёнка...

Тёмные мрачные небеса, лишённые звёзд и даже луны, везде грязь и влага. Среди этой неприглядности шесть таинственных лотосов, пробившихся сквозь серость, раскрывали свои прекрасные лепестки, пуская рябь на воде. Непередаваемо красивые, источающие нечто потустороннее, они вводили видевшего этот сон мужчину в невольное восхищение своим величием, чистотой и совершенством, светом жизни, что они излучали.

И с их цветением ночь сменилась днём, и сгинула тьма, клубясь омерзительно и отвратно в своих нескончаемых ненависти, жадности, злобе и беспомощности, дав дорогу очищающему свету!

И сияли лотосы неземной красоты ярче любых звёзд, что в миг очищения россыпью драгоценных камней раскинулись по небу...

— Шисуи, как ты считаешь, чем закончится эта война? — С задумчивостью смотря на закатное оранжевое небо, Сатору не улыбался, как делал это чаще всего.

Брюнет не знал, о чём думал его старший товарищ, по его выражению лица в принципе трудно было что-либо понять. Но сам вопрос всколыхнул ребёнка изнутри, заставив того видимо удивиться. Подобного он, привыкший к взбалмошности недавно приобретённого друга, точно не ожидал. И тот не знал, как ответить на него сразу и, с его точки зрения, правильно. Действительно, чем могло закончиться противостояние пятёрки великих деревень? И какой масштаб ему стоило оценивать — лишь Коноху, Страну Огня, другие элементальные государства или даже весь мир!

— Ну... Мы будем восстанавливаться от потерь, снова начнём брать заказы, кланы начнут активно восполнять утерянный состав. — Неуверенно пожав плечами под конец, несмело ответил Шисуи.

— Ну, это само собой. — Ничуть не смутившись, безразлично бросил Годжо. — Но что ты думаешь насчёт людских сердец? Как эта война повлияла лично на тебя, а как на других... Что скажешь?

Достойный и не помнил, чтобы задавал такие вопросы кому-то в своём прошлом мире. Современность отличалась приземлённостью, простотой нравов, людям новейшего времени, как правило, легко было понять желания друг друга, однако шаманы из былых эпох... Чувственность Дзуликого Сукуны проявлялась по-иному, выражаясь в битве. Схлестнувшись

друг с другом в смертельном противостоянии, Годжо проникся монстром из эпохи хэйан, поняв, чем тот дышал. Любовь, излагаемая силой... Смотри на это с подобной точки зрения, Сатору мог бы сказать, что таким образом сильнейший шаман в истории выражал к каждому своему противнику, кто хотя бы частично разделял его взгляды, любовь. Через боль, пыл и ход схватки, что вела к неминуемой гибели.

Сложная идеология, которая даже открытому ко всему новому Годжо казалась извращённой и очень странной. Оба они были так похожи, признавая лишь силу, но так отличались в своей сути... Жизнь и Смерть, Милосердие и Жестокость, Достойный и Падший.

Многие местные люди тоже уважали осмысленный подход к жизни. Философские течения, самые разные взгляды на жизнь, в конце концов даже во главе Листа стояла абстрактная идеология, обозначающая каждого его жителя в роли семьи. Находя удовольствие в чём-либо, человек обретал целостность и понимание самого себя. Радуюсь и веселясь даже по пустякам, Годжо Сатору изучил себя вдоль и поперёк, научился смотреть на свою жизнь по-новому, с совершенно разных углов.

И ему было интересны чувства тех сильных людей, которые страдали от этой войны косвенно или прямо, в мелочах или по-настоящему. В конце концов его беспокоили лишь возможные «опоры». Он сам — «фундамент», его будущие соратники — «опоры», а всё остальное — «здание». Интересуясь сильными, он давал шанс слабым, потому как именно первые решали судьбу вторых. Сукуна не ценил «насекомых», которых мог убить даже лёгким движением ладони, и Сатору был во многом таким же, но не во всём.

Зачем ему тратить силы на спасение одного слабого, если можно вложиться в сильного, который поможет целой тысяче таких же слабых, что и первый? Это была относительная позиция, ведь на самом деле он бы никогда не смог отказать в помощи нуждающемуся человеку, не способному себя защитить, банально потакая собственной совести, но тем не менее его позиция оставалась весьма твёрдой. И приоритеты, соответственно, тоже.

Он хотел узнать Шисуи ещё лучше, чем прежде.

— Многие умерли... — Нахмурившись и опустив взгляд вниз, тихо, почти шепча, произнёс мальчик. — Ещё больше людей пострадало, осталось калеками... Я не хочу, чтобы подобное повторялось, мне бы хотелось видеть счастливые улыбки тех, кто уверен в завтрашнем дне. А ведь я и сам ни в чём не могу быть уверен, сенпай. Отец рассказывал мне, что на любой, даже самой лёгкой миссии, может случиться нечто страшное, что всегда нужно быть настороже и никогда не переоценивать себя, но...

— Хах. — Весело усмехнувшись, Годжо быстро приподнялся на локтях, а затем полностью перешёл в сидячее положение, даже так возвысившись над членом клана Учиха на целую половину головы. — Знаешь, перед абсолютной силой не имеют значения никакие уловки, трюки и хитрости. И только абсолютной силой можно добиться всего, что ты пожелаешь. Даже вечного мира.

— Даже с абсолютной силой невозможно одолеть целый мир, сенпай... — В тоне брюнета послышалось осуждение, когда он произнёс это.

Бывший шаман пренебрежительно поднял бровь.

— Ну, в том варианте, который ты себе представляешь, такое действительно не провернуть. — Насмешливо хмыкнув, зеленоглазый блондин с оговоркой подтвердил слова юного Учиха. — Но не буду же я навязывать всем свои условия простым упрямством, а? Это так не работает, не

надо думать, что я дурак.

Шисуи хлопнул глазами, смутившись.

— Я о таком даже и не думал, сенпай! Прощу прощения, если это выглядело именно так. — Мальчик действительно устыдился, не понимая, что его старшему товарищу, в сущности, было всё равно.

Он знал про это и без извинений от него.

— Не суетись ты так, шутка же! — Годжо ослабился, похлопав ребёнка по спине. — Но я говорю серьёзно, этот мир будет меняться медленно, но уверенно. В таких делах нельзя спешить.

— Это... — Учиха оторопел, так и не закончив свою мысль.

Он вник в произнесённые Сатору слова, в полной мере осознал их, продолжая созерцать лицо сокомандника и, как тот сам определил ещё совсем недавно, друга. Блондин выглядел настолько уверенно, будто никакие препятствия таковыми для него не являлись. Пронзительный взгляд, лёгкая покровительственная улыбка и ни грамма страха...

Сейчас Сатору Годжо выглядел именно так, словно он способен на всё, что только возможно представить.

— Я изменю весь мир, можешь быть уверен.

<http://tl.rulate.ru/book/100919/3939489>